

Из всего приведенного видно, что ареалы собственных имен очень часто не соответствуют рубежам диалектов, установленным по апеллятивам. Ничего удивительного. Ведь и в нарицательных граница между *z* взрывным и фрикативным совершенно не совпадает ни с какими диалектными; так же наперекор установленным границам расположены многие другие явления. Тем более оправданно, что у ономастики — свои "диалекты". Подчиняясь многим диалектным чертам, акающие произносят *Арлоф, Варонин*. Но наряду с этим огромно количество ономастических примеров, независимых от диалектов апеллятивных. Внутренние, специфические закономерности ономастики, конечно, усложняют привлечение ее в помощь другим отраслям языкознания. Тем дороже каждая отрасль! Не нужно радоваться взаимным сходствам и огорчаться расхождениями. Взаимные иллюстрации подтверждают известное, а расхождения открывают неведомое.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Статья покойного В.А. Никонова, известного советского специалиста в области ономастики, публикуется в том виде, в каком она осталась в рукописном наследии автора. Возможно, при редактировании работы автор устранил бы некоторые неточности в отношении конкретных случаев. Так, среди слов, упоминаемых в статье как неизвестные за пределами ономастики, есть и такие, которые зафиксированы современными региональными словарями (например, относительно *засора* см. Филин 11, с. 49).

А.К. Матвеев

НАЗВАНИЯ С ОСНОВОЙ *КОНЕ-* В ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В Онежском районе Архангельской области Севернорусской топонимической экспедицией Уральского ун-та (СТЭ) было записано название *Кóнепаньга*, которое, на первый взгляд, принадлежит к многочисленным субстратным названиям на *-v + ньга*. Фактически же оно не имеет к ним никакого отношения, хотя по своему фонетическому облику и акцентуационной характеристике (типичному для финно-угорских названий ударению на первом слоге) должно рассматриваться как субстратный топоним.

Поскольку перед нами скорее всего двукомпонентное слово, а топонима *конеп-* в картотеке СТЭ не засвидетельствована, напрашивается предположение о том, что это название надо членить не на компоненты *конеп-* и *-аньга*, а каким-либо иным способом.

Так как *Кóнепаньга* — залив в озере Нижнее *Пóньгозеро*, находящемся в верховьях реки *Пóньга*, есть все основания считать, что при записи была допущена ошибка, связанная с редукцией заударных гласных, сплошь и рядом наблюдаемой в современном полу-

диалекте, на котором говорит сейчас население Русского Севера. Поэтому название следует реконструировать в виде *Конепо́ньга* (*коне* + *по́ньга*), что позволяет, во-первых, ввести его в ряд субстратных наименований с топоосновой *по́ньг-* (*понг-*) — *По́ньга* (*Понга*), *По́ньгозеро* (*Понгозеро*), *Понгота* (ср. в Карелии — *По́ньгагуба*, *По́ньгома*), а, во-вторых, выделить топооснову *коне-*, которая засвидетельствована в картотеке СТЭ. Компонент *коне-* не может быть топоформантом, потому что в агглютинативных субстратных языках ни географические термины — детерминанты, ни словообразовательные аффиксы не могут находиться в начале сложения.

Поскольку топоформант *-по́ньга* на Русском Севере не засвидетельствован, а названия типа *По́ньгозеро*, *Понгота* со своей стороны указывают, что компонент *по́ньг(a)* в языке-источнике употреблялся как атрибутив, приходится допустить, что в *Конепо́ньга* отражено сочетание двух атрибутивов.

Топооснова *по́ньг-* (*понг-*) до сих пор не получила убедительной этимологической интерпретации. Фасмер приводит гидроним *Понга* (Костромская область) и с большой осторожностью сопоставляет его с марийским *pongə* 'гриб', в конце концов резюмируя, что в этом случае ясности нет¹. Действительно, топооснова *по́ньг-* (*понг-*) неоднократно зафиксирована на Русском Севере, а семема "грибной" встречается редко. Уже поэтому с обсуждаемой этимологией согласиться нельзя. Однако для наших целей не столько важна надежная этимология топоосновы *по́ньг-*, *понг-*, сколько сам факт ее достаточно широкого распространения в севернорусской топонимии, что со своей стороны подтверждает правильность членения топонима на компоненты *коне-* и *-по́ньга* и тем самым выделения топоосновы *коне-*.

Эта топооснова отмечена в целом ряде названий Русского Севера, причем обращают на себя внимание некоторые структурные и фонетические особенности таких названий и прежде всего несочетаемость основы *коне-* со всеми без исключения субстратными топоформантами, а также передвижка ударения с первого слога на второй.

Все это сразу наводит на мысль, что перед нами особый случай и что основа *коне-* не имеет отношения к субстратной топооснове *кон(о)-*, выступающей в сочетании с различными топоформантами, а в полукальках с русскими географическими терминами в таких топонимах, как *Ко́ноша*, *Ко́нокса*, *Ко́нюг*, *Ко́новаж*, *Ко́ностров*, *Ко́нозеро* и т.п. Картина проясняется, если рассмотреть другие примеры употребления загадочной основы *коне-*.

В Каргопольском районе Архангельской области есть урочище с названием *Конечёлма*, в котором основа *коне-* безударна, а второй компонент восходит к рус. диал. *чёлма* 'пролив' < саам. *čoałte* 'пролив' (Фасмер IV, 371), поскольку в субстратной топонимии компонент *-чёлма* в качестве детерминанта не засвидетельствован. При всех отличиях это позволяет поставить *Конечёлма* в один ряд с названием *Конепо́ньга*.

Аналогично обстоит дело с топонимом *Конёцелье*. Так именуются

луга в Пинежском и Лешуконском районах Архангельской области. В этом случае ударение перенесено на второй слог, а компонент *-щелье* тождествен рус. *щелья* 'каменный берег', которое связано с *щель* (Фасмер IV, 501). В топонимии подобного рода преобразования обычны: *поле* — *полье* (*Азополье*), *курья* — *курье* (*Вондокурье*), *щелья* — *щелье* (*Белощелье*). Значительно интереснее, что топооснова *коне-* может сочетаться и с русским по происхождению географическим термином.

Наконец, можно привести еще не совсем ясное наименование мыса *Конёщерки* (Белозерский район Вологодской области), в котором ударение опять-таки перенесено на второй слог топоосновы *коне-*, а компонент *-щерки* затемнен.

Необычность этих названий в акцентуационном (кроме *Конеponьга*) и других отношениях, особенно неупотребляемость топоосновы с типичными субстратными формантами, заставляет думать, что перед нами псевдосубстратная топооснова, объяснение которой нужно искать в русском языке и что, следовательно, и *Конеponьга* — гетерогенное название — оригинальный русско-финно-угорский гибрид: русский компонент в этом сложении предшествует финно-угорскому, что бывает нечасто.

Предложенную версию поддерживают и другие факты, засвидетельствованные в топонимии Русского Севера, в частности, топоним *Конецщелье* (ударение возможно на любом из первых трех слогов) — название деревень в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области, зафиксированный также и в вариантной форме *Конецщелье*.

Таким образом, топооснова *коне-* представляет собой усеченное рус. *конец* и, следовательно, *Конечёлма* надо толковать 'Конец чёлмы (пролива)', *Конеponьга* — 'Конец Поньги'², а *Конецщелье* — 'Конец щельи'. Семантически эта трактовка не вызывает никаких осложнений: названия такого рода повсеместно распространены в топонимии. Остается выяснить, как они появляются и почему происходит переработка *конец-* > *коне-*.

Возникая как генитивные конструкции прежде всего в микротопонимии, названия такого типа с течением времени субстрантивируются и становятся сложными существительными. Все стадии этого перехода хорошо отражены в картотеке СТЭ. Здесь находим название населенного пункта *Конец Острова*, рыболовецкой тони *Конец Ниток*, урочища *Конец Долгих Песков*, поля *Конец Дома*, луга *Конец Наволока* и т.п. Впоследствии на основе таких названий возникают сложные образования двух типов.

Первый тип представляет собой соположение двух существительных, из которых первым является слово *конец*, ср.: *Конецлуг*, *Конецнаволока*, *Конецулица*, *Конецпоселок*, *Конецслободка*, *Конецкурья*, а также в сочетании с русскими и субстратными топонимами — *Конец-Кирильево*, *Конец-Мондра*. Этот тип словосочленений особенно характерен для Русского Севера и нетипичен, например, для Урала, хотя и там зафиксировано название населенного пункта *Конец-Бор* (Пермская область). Поэтому вполне возможно, что названия такого

рода возникли не без влияния со стороны финно-угорского материала (ср. фин. *Lintuoja* 'Ручей птицы', 'Птичий ручей', дословно 'Птица-ручей'), правда, полностью аналогичные в семантическом и синтаксическом отношениях финно-угорские структуры нам неизвестны, и это, кстати, тоже указывает на русскоязычное происхождение таких гибридов, как *Конецпонецга*.

Второй тип в большей степени может считаться общерусским. Он представлен широко распространенными названиями типа *Чистополье*, ср. в картотеке СТЭ: *Конецполье*, *Конецозерье*, *Конецгорье*, *Конецдворье*. Эта модель отражена и в севернорусской диалектной лексике, ср. *конецгубье*, *конецполье* (Филин 14, 254).

Как же объяснить фонетические изменения, происходящие в слове *конец*, когда оно находится в препозиции? Оказывается, эти изменения выражены особенно рельефно в положении перед субстратной топоосновой (*-понецга*), а также заимствованным (*-чёлма*) или дезтимологизированным словом (*-щерки*). Напротив, перед исконно русскими словами или вообще не происходит изменений или они факультативны (ср. *Конеццелье* и *Конеццелье*). Отсюда следует, что при этимологически неясном втором компоненте сложный звук *ц* (обычно *ц'*) в возникающей на стыке топооснов труднопроизносимой группе согласных (особенно перед глухими согласными *ч*, *ц*) может легко исчезать, чему способствует такая особенность архангельских говоров, как мягкое цоканье³, облегчающее ассимилятивные процессы. Иными словами, семантическая неясность одного из компонентов ведет к затемнению смысла всего сложения, а процесс дезтимологизации в свою очередь способствует фонетической переработке, вызываемой трудностями произношения.

Понимание всех этих особенностей употребления сложений со словом *конец* позволяет объяснить некоторые весьма загадочные топонимы Русского Севера.

В Шенкурском районе Архангельской области есть старинное русское село *Шегов́ары*, название которого в форме *Шоговарь* упоминается уже в документах XV в.⁴ Форма *Шегов́ары* в настоящее время считается официальной, но коренное население наряду с ней до сих пор употребляет и старинную форму *Ш́оговара*, явно усвоенную из языка местного дорусского населения. Фасмер справедливо объясняет топоформант *-вары*, *-вара* из саам. *varre* или фин. *vaara* 'гора', толкуя топооснову из саам. *šakk* 'свинья'⁵. Однако с учетом соответствия современное саам. *s* — древнесаам. двинское *š*⁶ предпочтительнее интерпретировать название *Шоговара* не 'Свиная гора', что маловероятно также в историко-этнографическом отношении, а 'Березовая гора', ср. саам. *soakke* 'береза'.

Как бы то ни было, субстратное происхождение этого названия несомненно. Напротив, неофициальное название примыкающей к Шеговарам деревни Пищагинской — *Кониш́оговара* скорее всего гетерогенно.

Связь смежных названий *Ш́оговара* и *Кониш́оговара* совершенно очевидна, поэтому, на первый взгляд, и компонент *кони-* должен быть отнесен к числу субстратных, а само название *Кониш́оговара*

к тем весьма редким и потому очень ценным реликтам, которые содержат два субстратных атрибутива, т.е. имеют структурный тип A+A+S при обычном A+S, ср., смежные гидронимы *Вамшереньга* (вам+шер+еньга) и *Шереньга* (шер+еньга). Но если топооснова *вам-* в гидрониме *Вамшереньга* подударна, а в топонимии Русского Севера достаточно популярна, причем в сочетании с различными субстратными топоформантами (*Ваманга*, *Вамыш* и т.п.), то *кони-* безударна и не зафиксирована в других топонимах.

Сказанное позволяет отнести название *Конишбговара* к уже рассмотренным топонимам с основой *коне-* в препозиции. Что касается перехода *e > u* в безударном положении, то он должен объясняться так же, как *o > a* в *Кбнепоньга*, т.е. постепенным внедрением элементов литературного произношения в диалектную речь, которое особенно легко охватывает слова с неясной внутренней формой. Поскольку *Конишбговара* находится рядом с *Шеговарами*, толкование этого названия 'Конец Шеговар' выглядит достаточно убедительно.

Другой пример интересен с методической точки зрения. Северо-западная часть озера Великое в Пинежском районе Архангельской области носит название *Конечерье*. С учетом мягкого цоканья и его неточной фиксации (передачи *ц'* как *ч*) это дестимологизированное слово надо восстанавливать в виде *Конечерье* (ср. название луга *Конечестрово*, в котором первичное *Конец Острова* изменено почти до неузнаваемости).

Структура топонима *Конечерье* становится, однако, прозрачной, если иметь в виду, что во многих севернорусских названиях озер сохранился субстратный формант *ep* 'озеро', родственный фин. *järvi*, мар. *ep* 'озеро', т.е. *Конечерье* — 'Конец озера'. В этом случае особенно хорошо видна ценность подобных названий для выявления, так сказать, "скрытого" субстратного материала.

Наблюдения над функционированием и преобразованиями слова *конец* в севернорусской топонимии будут, однако, неполными, если не упомянуть об его изменениях при образовании сложных слов в постпозиции.

В свое время, изучая оттопонимические наименования жителей на территории Русского Севера, Л.В. Кульмаментьева показала, что названия типа *верхнекбна* (*верхокбна*) и *нижнекбна* образованы от ойконимов *Верхне(верхо)конская < Верхний Конец* и *Нижнеконская < Нижний Конец*, прокомментировала пути их образования и описала методический прием для восстановления старых форм наименований населенных пунктов по названиям жителей, ср. ойконим *Жабий*, название жителей *жабокбна*, восстановленный топоним *Жабоконская < Жабий Конец*⁷.

Все эти наблюдения в настоящее время полностью подтверждены наблюдениями над ныне функционирующими вариантами названий (ср. *Чухчин Конец* и *Чухчеконская* в Холмогорском районе Архангельской области). Они действительно открыли перспективы для восстановления по крайней мере некоторых уже не существующих топонимов.

Так, есть все основания считать, что название околка (небольшой деревни) в селе Юрома (Лешуконский район Архангельской области) *Тишеконская* восходит к *Тихий Конец*, а название районного центра *Лешуконское* — к *Леший (Лесной) Конец*, поскольку это большое село расположено в конце длинного лесного волока между Пинегой и Мезенью⁸. Замечательно, что в пределах того же села Юрома еще один околк раньше назывался *Пачеконская* < *Пачеконец* (с субстратной основой *паче-* в препозиции), а другой — *Некрасоконская* (теперь *Некрасово*) < *Некрасов Конец*. Возможность существования названий типа *Пачеконец* подтверждается названием одного из заливов Ундозера в Плесецком районе Архангельской области — *Похконец*.

Процессы изменения исхода слова *конец* в начале и конце сложения имеют разную природу: в одном случае у них прежде всего фонетические причины, подкрепляемые дестимологизацией, в другом — фонетико-морфологические, имеющие прямое отношение к словообразованию. Общее здесь, пожалуй, можно усмотреть только в тенденции к экономии языковых средств.

Сложные названия с топоосновой *коне-* (*кони-*) в препозиции, которые употребляются в сочетании с субстратными основами, поучительны в методическом отношении, поскольку показывают, как легко можно ошибиться при этимологическом изучении топонимов и посчитать исконно русскую основу субстратной, если не считаться с фактором взаимодействия языков, обуславливающим широкое развитие разного рода гетерогенных форм в топонимии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAW. Phil.-hist. Klasse, XIX, Berlin, 1935. 542.*

² Перенос ударения *Конёпюнга > *Кбнепюнга* связан, видимо, с полным забвением структуры названия и втягиванием его в ряд чисто субстратных наименований.

³ См.: *Русская диалектология / Под редакцией Н.А. Мещерского. М., 1972. 39.*

⁴ См.: *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. 32.*

⁵ См.: *Vasmer M. Beiträge... IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permian in Nordrussland // SPAW. Phil.-hist. Klasse, XX, Berlin, 1936. 205.*

⁶ См.: *Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. 47.*

⁷ См.: *Кульмаментьева Л.В. Оттопонимические бессуффиксальные названия жителей на территории Русского Севера // Вопросы ономастики, № 10. Свердловск, 1975. 79—80.*

⁸ В этом случае у вместо е может быть объяснено забвением повода наименования и как следствие этого сближением по народной этимологии с диалектным словом *лещукаться* 'поминать лешего' (Филин, 17, 30), образованным от той же основы (при более обычном *лешакачься*).